

Евгений Захаров
Светлана Берд

ЛЕТОПИСЬ
КЕНСИНГТОНА:
КЕНСИНГТОНСКИЙ
НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Евгений Захаров

**Летопись Кенсингтона:
Кенсингтонский
народный фольклор**

«Издательские решения»

Захаров Е.

Летопись Кенсингтона: Кенсингтонский народный фольклор /
Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501076-6

Продолжение широко известной в узких кругах «Летописи Кенсингтона»: этикие «заметки на полях», проще говоря, то, что не вошло в книгу «Фредди и остальные»: картинки, песни, стихи, легенды и мифы, пьесы и саги, с непременным участием единственного и неповторимого Фредди Меркури, а также целой ватаги звезд музыки и кино.

ISBN 978-5-00-501076-6

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА	6
КЕНСИНГТОНСКИЙ НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР	7
/ – картинка №1 – / Что посеешь, или То и вырастет /	8
/ – картинка №2 – / Шведский буржуин, или Пекинес /	10
/ – стих №1 – / А. С. Пушкин за такое позвал бы стреляться – живи он сейчас, а не двести лет назад, или Поэтому спите сладко, дорогой Элтон Джон, который, собственно, и написал эти стихи в газету «Кошмары и ужасы темной половины Кенсингтона через черное зеркало»! /	14
/ – картинка №3 – / Венский ремонт, или Скорбный набор /	17
/ – картинка №4 – /Грибная икра для медведя-шатуна, или Жрите, любезные! /	27
/ – стих №2 – / Ода английскому огороду, или Уж!!! /	29
/ – картинка №5 – / Искатель потерянного музея, или Революшенри! /	32
/ – картинка №6 – /«Рьяный вегетарьянец», или «Шинок» – приют для всех убогих? /	34
/ – стих №3 – / Зловещий доктор, или Плавали – знаем! /	36
/ – сказка №1 – / Страшная Шапочка, или Белый Кролк /	37
/ – картинка №7 – / Злой и гадкий, или Мартин Гор /	38
/ – стих №4 – / Ринго, или Буонапарте мне спинку, пожалуйста! /	40
/ – легенда №1 – / Альпинист, или Трубочист /	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Летопись Кенсингтона: Кенсингтонский народный фольклор

**Евгений Захаров
Светлана Берд**

© Евгений Захаров, 2019

© Светлана Берд, 2019

ISBN 978-5-0050-1076-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА КНИГА ВТОРАЯ

КЕНСИНГТОНСКИЙ НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Что же нам в данной книге, спросят авторов исчезавшиеся от ожидания читатели. В ответ на похожий вопрос, заданный Остапу Бендеру гражданином Корейко, Ося Б. ответил: «Синее море, белый пароход...» Дальше цитировать не будем, просто хотим сказать, что здесь будет чуть побольше вкусного, чем просто море и какой-то дурацкий пароход.

И все-таки, что это вообще за книжка такая – Фольклор? Отвечаем. Во время написательства «Фредди и остальных» параллельно придумывалось много историй, которые при всем желании нельзя было пристегнуть к официальной биографии группы «Квин». А выкидывать созданное тоже было жаль – во всяком случае, большую его часть. Вот и решили авторы собрать все эти истории в одну большую такую книжку и назвать ее см. выше. Помимо просто картинок, здесь будут иметь место стихи, песни, баллады и даже пьесы – в общем, фольклор. Так что здесь мы никого не обманули. И вообще, помните главный принцип и политическое кредо наших сочиняний? Не любо – не слушай, а врать не мешай.

/ – картинка №1 – / Что посеешь, или То и вырастет /

Однажды невероятный слух пошел по Кенсингтону – Брайан нашел шиллинг!

Ох уж этот Брайан у нас! Везунчик! Везило! Вечно ему везет, везуну этакому!

Конечно же, сей тавтологический слух распускал Коллинз, не добавляя одного – в какое время укладывается это «вечно», ведь всем достоверно было известно, что Брайану повезло всего дважды в жизни: один раз, когда он организовал группу, другой – когда он перегрыз и сбежал от жены. Однако достойный Фил, помимо таланта варить «Двойной Кенсингтон», обладал и еще одной невероятной способностью. Нет, он не рисовал носом и не умел подзывать змей на свист. Фил наделял свои сплетни такими достоверными подробностями, что все сразу и беспрекословно ему верили, что бы он там ни наврал. А кто не верил, тех Фил просто пошло подкупал. За франки.

Вот и на этот раз – все сразу поверили, иззавидовались, и по району пошла эпидемия. Все ходили, опустив носы в землю, в надежде найти шиллинг. Ну хоть что-нибудь, блин, найти! Посчастливилось только Джо Кокеру с катушкой из-под ниток, да еще Ангус Янг отыскал в канализации дохлого мышонка. Три дня они ходили именинниками, все им жали руки, все их прославляли, и даже Том Уэйтс сложил в их честь торжественную оду, за которую ему чуть башку не оттяпали, и даже Коллинз угощал всех дармовым (потому что теплым и фактически жареным) пивом.

Вот и Фредди попал под всеобщее настроение, закинул на плечо палку с узелком, в котором ничегошеньки не было, ибо куда же прятать найденное? Но нашел он только Джона, который, вдохновленный давешним примером Брайана, перегрыз, сбежал от семьи и теперь жил под мостом. Фредди притащил его на рыночную площадь – хвастаться, но таинственный клад заинтересовал только жену Дикона, которая вцепилась в супруга, отвесила ему по шеем и уволокла домой. Фредди ни с чем остался стоять посреди рынка. Будучи в нервах, он малость поскоблил стену будки, но, узрев в щели возмущенную рожу Маисыча, Фарух решил пойти покопаться в саду. Каком-каком, Кенсингтонском, конечно! Проще сказать, в Горпарке.

Подходя к памятнику Питеру Пэну, Фредди узрел возмутительную.. нет, не так – дерзновенную! – нет, опять не так – да просто бабуинскую по своей животности картину!!! Под памятникчиком сидел Аксл Роуз и продавал семечки по пятаку стакан, а на плечах Пэна сидели злодеи в лице Даффа и Слэша, хамски плюясь шкурками во все стороны.

– Пошли вон, слизерины! – заорал задетый за живое Фредди. – Не трожь Питера!

Тут же со всех сторон набежали Пит Бест, Пит Шоттон, Питер Габриел, Питер Страйкер и почему-то Лемми-Моторная Голова, которого в Кенсингтоне все называли просто Бражник-Мертвая Голова. Фредди обрадовался, поелику Лемми был ему должен пакет муки, и прокрипел:

– А-а-а, Бражник! Что ты тут делаешь, Бражник?

Лемми испугался и убежал, а Питеры начали скандировать:

– Ура! Бей мешочников! Разорваки! Решения Хартии – выполним досрочно!

А Фредди, движимый подлостью природы, ополз памятник и коварно напал на ганзов сзади. Аксл мастерски отмахивался мешком, как цепом, а Дафф и Слэш орошали трассирующими шкурками немые башки Питеров. Последние на ганзские поползновения отвечали нестройным гулом. Их поддерживал Ангус Янг, наявивая на тромбоне «Осенний сон». Так, по крайней мере, утверждали очевидцы. Мы же врать не будем. Хрен знает, что он там играл, Ангус-то.

– Вперед! – ревел Фредди, выхватывая у Ангуса тромбон и дудя в него. – Х-Х-Х-О-О-О-НК!

Аксл так перепугался, что лег на землю и прикрылся мешком – спрятался.

– Лучше бы в мешок влез! – посоветовал Фредди, пнув Роуза под копчик.

Аксел и влез. И пропал. Вместе с мешком. Фредди обернулся – глядь! И Питеры пропали! Никого!

– Как же? – плаксиво спросил Фредди, оборачиваясь к Янгу. Того тоже не было, лишь на земле возле памятника сиротливо лежала маленькая семечка.

– Ангусевич, – тревожно спросил Фредди, заглядывая под семечку. – Ты здесь?

Но Ангусевича здесь не было. И вообще нигде. Безутешный Фредди посадил семечку у себя в палисаднике, полил шампанским и бухнулся спать в кошачьем загончике, разбросав ноги.

Неделю после этого по утрам, вместо того, чтобы идти ловить карпов у себя в пруду, Фред приходил в палисадник, садился возле грядки и вдумчиво ее созерцал. Когда на восьмой день он пришел в садик – о радость! о счастье! – на грядке нагло стоял толстый зеленый стебель подсолнуха, увенчанный огромным золотистым решетом, посреди которого по-турецки сидел мрачный Брайан Мэй.

– Отчего же, отчего же, отчего же, – спел Фредди, – вырос здесь ты, а не Ангус?

– Шампанским поливал, – выплюнул пробку Мэй. – Драть вас надо, дрянь. Я его не люблю. А люблю я джин.

– Твой джин, если ты вдруг этого не знаешь, – заметил Фредди, – это поганая «Стрелецкая»...

– Лучше помолчи, – честно предупредил Брайан. – Хуже будет!

– Настойка, – отважно сказал Фредди, после чего долго летел через два лестничных пролета и выбил стеклянную дверь...

На следующий день все в Кенсе узнали – с Фредди что-то не так. Он вышел на балкон в одних кальсонах, с хрустом потянулся, скульнул, и вдруг заорал испанскую народную песню: «Ой, бывав я в тим садочку, да скажу вам всю правдочку – ото так копають мак!»

Пел он ее долго, с надрывом, пуская обильную слезу и слюну под балкон. Под балконом же стоял очень злой Том Петти и собирал эту гремучую смесь в кулечек, потом переливал по пузырькам и продавал как средство от всех болезней доктора Воф-Ху. Помогало! Ну не от всех и не всем, но были случаи.

А эпидемия собирательства закончилась достаточно громко – Брайан потерял шиллинг. Он так орал, что сбежался весь рынок и устроил генеральную уборку, в результате коей было найдено несметное количество вещей, потерявшихся еще с прошлой зимы. Браев шиллинг найти никто не смог, а сам Мэй нашел маленького детеныша бурозубки и радовался, как дитя. Хотя шиллинг свой он нашел вечером во внутреннем кармане пиджака. Чему очень удивился. И пропил его за ваше здоровье. Бурозуба, кстати, тоже пропил. Иуда!!!

/ – картинка №2 – / Шведский буржуй, или Пекинес /

Однажды Фредди купил печку-буржуйку. Однако ему было не дано, как ее топить, ведь буржуйку он видел в первый раз в жизни. Поэтому он закидывал в печку огромные кривые дрова, а те, которые не помещались, проталкивал ногами. Он сушил на печной трубе носки, пек в буржуйке картошку, пел скаутские песни, а если приходили налоговые инспектора, Фредди прятался от них в печку и настороженно бдил, глядя, как инспектора шарятся по комнате в поисках чего-либо ценного. Фред и сам был бы не прочь пошарить и тоже найти чего-либо ценного, но он, в отличие от настырных инспекторов, знал – в старом доме ничего ценного нет. Мэри-шантажистка вывезла все Фредово барахло в новый особняк и теперь с нетерпением ждала, когда же сам Фредди торжественно въедет в новый дом.

Но Фредди не желал въезжать в новый дом. Он жил бобылем, прихлебывая чай из пакетика, заедая суп из пакетика сухарем из пакетика, и чувствовал себя совершенно счастливым. «Если бы не эти паскудные инспектора, было бы еще лучше», тоскливо думал Фред, глядя, как резво копаются один инспектор в его комод. Не найдя ничего стоящего, подрабатывающий инспектором Элтон Джон вдруг узрел таинственный агрегат, скорбно стоящий возле стены. Элтон брезгливо сбросил с трубы агрегата сохнувшие носки, поплевал во все углы – от сглазу – поднял печку, ухнул, хрюкнул и понес домой. Фредди, прикорнувший в тепле и уюте, не знал, что вором был Элтон Джон, и, когда Элтон, придя домой, с грохотом поставил печку на пол, Фредди пулей выскочил оттуда и заорал:

– Стоять! Руки на ширину плеч! Все вы тут мерзавцы и козы! Я платил!!! – и тут же узрел под очками знакомые удивленные, близоруко шурящиеся зенки. Фреддины глазки тут же заиграли в ответ вальс «Амурские волны».

– Раз украл – покупай! – капризно сказал Фредди. – Что я ее – домой сейчас поташу? На своем горбике? Нашел верблюда.

– Да я и сам могу отнести, – упрямо сказал Элтон. – Мог бы, да неохота. И вообще, это трофей! Я победил, посему мое! – и он вцепился в печку.

– Расхищать народное добро?! – свистящим шепотом спросил Фред. – Обкрадывать честных тружеников капитализма?! Это же бунт!

– Хорошо, – убрал руки Элтон. – Сколько просишь?

– Вот это уже разговор настоящего... – Фредди задумался. – Как же тебя назвать-то... Знаю! Слава мне! Вот это – разговор настоящего капельмейстера!

– Капель? – воздел брови Элтон.

– Не в том дело, что капель, а мейстера!

Элтон приосанился и разглядел воображаемые баки.

– Вот чем мы начнем наш торг, – сказал Фредди важно. – Зачем тебе сия вещь?

– Вещ сия мне нужна для того, – занудно сказал Элтон, – чтобы приготовить самогон.

– Во-первых, самогон гонят, – менторским тоном заявил Фредди. – Это и ежу понятно.

Из-за двери показался смертельно пьяный еж – редкостная дрянь, позор Стингового зоопарка, – покачался немного, приподнял шляпу и с идиотской ухмылкой хлопнулся на пол.

– Вот, а во-вторых, как ты, кобра, собрался в печке-буржуйке самогонку-то гнать?

– Во-первых, сами вы змеищца, и сами вы буржуй, – не остался в долгу Элтон. – А во-вторых, я вашу печку переплавлю в самогонный аппарат и змеевик!

– Мою печку, – сказал Фредди, и голос его дрогнул. – Мою печечку. Мою печурочку. Переплавить такую превосходную печь в агрегат для приготовления адского варева? Да ты просто пррр! – он сделал гадкий звук языком.

– Я и тебя приглашу, – искушал Элтон. – А так – останетесь без выпивки, гражданин козлищев.

- Кто это – «останетесь»? – осовел Фредди. – Как это – «козлищев»?
- А я что? – и в притворном ужасе Элтон засунул себе в рот носовой платок. Полчаса он бился, пытаясь вытащить платок на волю, а потом, когда молодость победила, изрек:
- У меня послезавтра день рожденья!
- Выпивка будет, ведь правильно? – сработала природная извилина Фредди.
- Будет, – кивнул Элтон. – Без этого нельзя. Только вот самогонного аппарата нету.
- Как – нету? – поразился Фредди. – Вот не надо только мне тут. А это? – и он ахнул ногой по боку печурки.
- Так плавить надо, – лицемерно сказал Коллинз. – Печка ж твоя.
- Моя, – кивнул Фредди. – Однако продам.
- Сколько просишь?
- Сколько дашь?
- Немало – фунт!
- Опупел? Я сам ее за три фунта купил!
- Купил? Не смешите мои запонки! Чей у нас нынче печной магазин, гессловский? Вот мы у Пера-то и спросим! А вот, кстати, Гессле идет. Гессле! Гражданин Пер! Пер, иди ко мне, мой хороший! Это твоя печка?
- Немножке не понимайт...
- ПЕЧКА, говорю, ТВОЯ?
- (басом) А то!
- Фред у тебя ее купил?
- (басом) А то! Хмм! (фальцетом) Чито? Кыто? Фыред? Покупай? Кокта он чефо покупай? И уже успел стасчить? Дуел! Толко дуел!
- Да я честно купил! – бешено лаял Фредди. – У меня вот – и чек припасен. Что?
- Ну-ка, дай-ка... Так. Угу. К оплате.
- Ясно вам? – пляшет Фредди. – К оплате!
- Печная труба – одна штука, ухват – один штука, заслонка – одна... Все???
- А что мне еще – сапоги твои вшивые купить? Или вообще там – голенища какие-нибудь?
- Пробиль ухват, а ухватиль целую печку! Держийт меня, убою!
- Элтон, если не поможешь – печку не дам!
- Пер, отпусти его.
- Пшел!
- Отпусти, говорю!
- Хрясь!
- А! У! Помогайт!!!
- И Пер спасается через водосточную трубу.
- Элтон, получи печь. Давай два фунта, злодей.
- А с этим что делать?
- Элтон указал на беспомощно сучащего ногами и руками Пера Гессле, торчащего задней частью из трубы.
- Может... Того... В расход?
- Так мы же его можем в саже вымазать – его никто и не узнает!
- Так он же отмоеся!
- Так мы опять вымажем! Хо?
- И зачем? – робко подал голос Пер из трубы.
- Помолчи, Дуду!
- Кто? – и швед принялся так энергично рваться и метаться, что труба не выдержала.
- Ах, вредитель! – взъярился Элтон. – Моя трубища!

- Што?
- Высший сорт!
- Кто?
- Ринго звать?
- Вай-бэй! Христом-Богом... Царицей-матерью небесной и двенадцатью апостолами...

Ни пагуби!

- А что я с этого буду иметь?
- Ухыват падарю!
- Возьми этот ухват, и ухвати...
- Элтон, не надо! Ринго тоже уши имеет! За грубословие, говорят, расценки повысили!

Обнищаешь!

– Хорошо, будешь мне каждый день... (шепотом) Фред, что попросить? Что он больше всего любит?

– Вроде – звук расстроенной гитары... Так что пусть настроит гитары всему Кенсу...

– Ге-ге-ге!!!

– Пер, немедленно!

– Чево?

– Настрой гитары всему Кенсу!

– НЕЕЕЕЕЕТ!!!

– ДАААААА!

– Щет! Кляти англикосы! Хотя б не Мэю и не Пейджу!

– Именно Мэю и именно Пейджу в первую очередь!

– Ну за що ви меня так ненавидьте? За що, за що? – и Пер пустив патьоки, патьоки горьких слъоз, узявшись за бока (пер. со староангл. – заплакал).

– Вопрос решен! Убирайся, и помни – у нас длинные руки!

– А какие ноги! Фу ты, пропасть, какие у нас ноги!!!

– А теперь с тобой, – сказал Фредди, когда Пер, оглашая воздух рыданиями, пошел по указанным адресам. – Когда празднество?

– Послезавтра.

– Тогда плавь печь, и я приду к тебе в гости.

– А что подаришь?

– Подумаю. А танцы будут?

– Я уже заказал музыкантов, мой удивительный кузен!

– Кузнец – это Роберт Смит.

– Это ты – мой кузен.

– А, кузен! А с каких пор? Почему я об этом ничего не слышал?

– Потому что я только что это придумал! Ловко?

– До свиданья.

– Нет, ну ловко?

– До свиданья.

– Ну ответить ты можешь, пекинес?

– До свиданья. Сам пекинес. А ловко?

– Да ловко, ловко.

– До свиданья.

– А ты пекинес?

– Пекинес. До свиданья.

– А Элтон – пекинес! А Элтон – пекинес!

– Да ну? – подбежал Рон Вуд.

– Сам признался!

– Ну, дела! – и Вуд убежал.

А Фредди ушел домой. Послезавтра он явился к Элтону Джону в самый разгар раздачи подарков. Пер подарил Джону ухват, Рон Вуд – новый выпуск «Чайника», на первой странице которого был напечатан портрет Элтона с подписью: «Хвала Элтону Джону – лучшему пеки-несу района!». Дэвид Боуи презентовал Элтону песню «Морда», но Элтон сказал, что недостойн такой возвышенной песни, и Боуи пришлось срочно переименовывать песню в «Моду», чтобы пустить ее в эфир. Фредди же принес Элтону оригинальный подарок – очки с абсолютно непрозрачными стеклами. Все по очереди примеряли подарок, в результате чего сослепу перекотили всю мебель и китайские кувшины.

Потом Элтон сказал: «Прошу к нашему», и на стол был подан огромный бочонок отличнейшей самогонки тамбовского разлива. То-то стало весело, то-то хорошо! Когда самогон закончился, отрядили Фредди еще и за пивом. А Фред не пошел за пивом, а Фред за дверью стоял и слушал, как Элтон, чествуя его на все корки, под шумок выкатил еще полгаллона самогонки, после чего, выдержав эффектную паузу, вошел. Все покраснели, а Элтон... Нет, лучше не надо... Нет, право, не нужно... Неудобно как-то...

Фредди все равно бегал еще и за водкой, потратив на нее два фунта и тем самым ничего не выиграв на продаже печки. Теперь он ходил в мокрых носках, ел сырую картошку и думать забыл про скаутские песни. И налоговые инспектора брали с него крокодильские налоги. И Фредди не стерпел и переехал к Мэри в особняк. Вот и все.

**/ – стих №1 – / А. С. Пушкин за такое позвал бы
стреляться – живи он сейчас, а не двести лет
назад, или Поэтому спите сладко, дорогой
Элтон Джон, который, собственно, и написал
эти стихи в газету «Кошмары и ужасы темной
половины Кенсингтона через черное зеркало»! /**

Однажды Фред надел колпак
И завалился спать.
Потом вскочил, надел пальто,
И захрапел опять.

Потом во сне пошел гулять
По крышам городка,
А Брайан шел и рассуждал,
Что жизнь так коротка!

Увидя Фредди, он сошел
Со своего ума,
И с диким воплем убежал.
А Фред кричал: «Ура!»

Не просыпаясь, он пошел
На Кенсингтонский рын (ок),
А там уж рымит исполин,
Злопасть Дэвид Бым.

(Наш Дэвид Боуи себе
Взял псевдоним такой —
Ведь сверхдогадливый Буюк
Не взял себе другой!)

Вот это здорово, друзья!
Взгляните – сам не свой
Несется Бым за Меркури
По гулкой мостовой!

Какой кошмар! Дубина Быма
Вновь летит вперед,
Но хитрый Фред отпрыгнул вбок —
И скок за поворот!

Ужасный Боуи искал
Фаруха в темноте,
А Фредди по уши лежал

В канаве и воде.

Тут свист услышал Меркури
И шевельнул лицом —
А это Барбара свистит
И машет пальтецом.

– Ах, черт возьми! – взъярился Фред. —
– Отдай пальто мое!
В конце концов, ты снишься мне,
Верни мое тряпье!

Но Барбара сказала: «Фиг!»
И мимо пробежала,
А Меркури в канаве вмиг
На грудь вскочила жаба.

Он скинул жабу и бегом
Помчался в тайный лаз,
Но Мэй подставил ему ножку —
Фредди лбом в «КамАЗ»!

И Барба, дико хохоча,
Вмиг скрылась в тайном лазе,
А Фредди следом попытался
Въехать на «КамАЗе».

Но Барбары простыл и след,
Затертый пальтецом...
И Фредди пробудился злой
И недовольный сном.

Наутро он решил отмстить
За давешний кошмар,
И через час в Маиса будке
Полыхал пожар.

А Валентинихе наш Фред
Дал в Мюнхен телеграмму —
Где он видал ее саму,
Отца ее и маму.

Затем он Мэя и «КамАЗ»
Спустил в канализацию.
Пытался Янг не допустить —
И получил акацию.

(А у акации, друзья, очень длинные колючки! – прим. Элт.)

Затем, в канавах по Кингс-роуд

Всех жаб передувив,
Наш Фредди лег и засвистал
Приятнейший мотив.

И так, как в этот смутный день,
Он никогда не спал!
А ночью он пошел в кабак
И всех там нахлестал!
*(В смысле, напоил. И будку Боуи отстроил обратно. Я там был
и видал это сам. – прим. Эл.)*

/ – картинка №3 – / Венский ремонт, или Скорбный набор /

Однажды Брайан решил сделать ремонт. Как это произошло? А вот как – однажды шел он по рынку с твердой целью как следует повеселиться. Но, как назло, никто его в это хмурое утро веселить не желал. Все попрятались по норам, и даже Фил не маячил в окошке «Шинка», ласково шлепая, как встарь, газетой скверных мух. А тут еще и дождик стал накрапывать. Мэй совсем было приуныл, но тут кто-то с такой силой заверещал ему в ухо, что он аж присел:

– Купи пособие по ремонту! «Здоровый кот без всяких хлопот»!

– Что мне кот? – сварливо поинтересовался Брайан, поправляя парик. – Негодное животное. Не уважаю котов. И кошек – опреть.

– А как жа! – с неповторимым канадским акцентом ответил продавец, лицо коего скрывала шикарная бархатная полумаска черного цвета. – На новоселье-то кого первым через порог пускают?

– Фреда, – уверенно сказал Брайан. – А попробуй не пустить – ой, что будет!

– Болванс ты Чик, – уверенно сказал продавец. – Кота пускают, понял? Кота! Котофеича.

– Да-а? А пособие? – ехидно поинтересовался потенциальный покупатель. – Может, больной кот-то получше будет, а?

– Повторяю – ты не очень умный человек, – терпеливо промолвил незнакомец в маске. – Больной-то кот разве куда пойдет? Или ты его на руках понесешь.

– Не желаю я никого на руках носить! – разозлился Мэй. – Злой я. И денег у меня нет. Потому и зол.

– Возьми в долг! – настырничал масконосец. – Могу я сказать слово?

– Валяй, – разрешил Брайан.

– На!!!

И продавец со скоростью света умчался, оставив в лапах обалдевшего Мэя пачку брошюр по ремонту квартиры, включая пресловутого «Кота».

– Лихо, – неуверенно пробормотал Брайан. – А не сделать ли мне ремонт? А? О!

Придя в свой неухоженный дом, Брайан засучил рукава и принялся за дело. Первым номером он раскрыл пособие и прочитал:

«ПРОВЕДИТЕ В КВАРТИРЕ ГЕНЕРАЛЬНУЮ УБОРКУ, ВЫБРОСИТЕ МУСОР И ВЫМОЙТЕ ПОЛ.»

Брайан медленно отсучил рукава и пригорюнился.

– Че супонишься, добрый молодец? – прохрипел знакомый масочный голос. – Самому претит убирать, так найми кого-нибудь!

Брайан просиял и кинулся к телефону. Через минуту перед ним стоял мрачный Фредди в бахилах и под зонтом.

– Чего звал? – сурово поинтересовался он, складывая зонт и дерзко отряхивая его на стены.

– Хочешь, чтобы у тебя был здоровый кот без всяких хлопот? – без обиняков начал Брайан.

– А кто ж не хочет? – возмутился Фредди, ставя зонт сушиться на стол.

– Помогите мне убрать квартиру!

– Поглядите на него – он хитрец! А ты что будешь делать? Клопов по стенам давить?

– А я буду... – Брайан вновь наугад открыл брошюру. Незвестный автор советовал:

«СВАРИТЕ КЛЕЙСТЕР, ОБДЕРИТЕ СО СТЕН СТАРЫЕ ОБОИ И НАКЛЕЙТЕ НОВЫЕ.»

– Варить клейстер! – гордо сказал Брайан, и ушел на кухню.

– Клейстер – это клей, – заметил ему вслед Фредди. – Убираться, говорите? Во мгновение ока! Вы даже не успеете сказать волшебное слово «табурет», как все будет...

Тут он обнаружил, что Брайан уже всю дерет глотку на кухне в процессе клееварки, обозвал его сквозь зубы грилдриком, и приступил к делу.

Когда через некоторое время Брайану удалось отлипнуть от кастрюли и кое-как отчистить плиту и пол, он радостно, в предвкушении чистоты, вернулся в комнату, и:

– Негодяй! Чего не прибрал?

Фредди молча встал, с кучи вещей, выброшенных из шкафа, продемонстрировал Мэю внушительный кулак, обвел глазами комнату, выразительно насупил брови, пошевелил усами и величаво прошествовал на кухню. Брайан понял вышеописанную пантомиму, захныкал, но не отступил с поклоном, а принялся наводить порядок.

– Господинчик! – крикнул ему Фредди с кухни с набитым ртом. – А про здорового карпа у тебя ничего нет?

Брайан только продолжал прибираться и про себя посылал на его голову всевозможные проклятия, кары и казни египетские. Завершив труды, он решил проведать друга и отправился в храм пищи. Зайдя на порог, ему стало невыносимо жарко и плохо – сидя за столом, Фредди вдумчиво пожирал сваренный им клейстер прямо из кастрюльки.

– Хорош киселек, – заключил он, отставляя посуду в сторону. – Только сахару мало.

– Какой кисель? – ужаснулся Мэй. – Это же клейстер!

– А как ни назови, – махнул Фредди.

– Ты не знаешь, что такое клейстер? Клейстер – это клей.

– Я тебе сказал об этом полчаса назад, годзилла, – ласково сказал Фредди.

– Вот ты и сожрал весь клей, – пробубнил Брайан. – А хороший был. По моей собственной бабушки собственному рецепту.

– Клей, – повторил Фредди дрогнувшим голосом. – Я наелся клея? Вот так здрасьте...

– И что мне теперь делать? – уныло произнес Брайан. – Полкастрюли слопал, грызи тебя хопуга!

– Хо-хо-хо! Хо-хо-хо! А пособие на что? – прогудел из-за окна маскопродавочный голос. – Стихи получились.

Мэй послушался, открыл и прочел:

«ЕСЛИ УСТАЛИ – ПЕРЕДОХНИТЕ И ПОДКРЕПИТЕСЬ.»

Брайан закрыл пособие, вздохнул, взял со стола кастрюлю и стал доедать клейстер, усиленно стараясь не глядеть в горящие жадным желтым огнем глаза Фредди. Доев, он поставил кастрюлю в мойку.

– Хороша твоя бабушка, – мрачно сказал Фредди. – Жаль только, что она варила так мало клейстера.

– А вот что я теперь буду делать? – пригорюнился Мэй. – Без клея? Обои на слюньках фигачить?

– Белить потолки, – подсказал масковещательный голос.

– Белить потолки, – как попугай, повторил Брайан.

– Потолки! – загорелись уже синим, неоновым светом глаза Фредди. – Дай побелю! Ну, пожалуйста! Я ведь умею! Наверное.

– Неси известь, – пожал плечами Брайан. – Тогда и.

– Сейчас, – засуетился Фредди. – Я мигом! Я знаменитый бельщик... белочник...
– Белк, – отрубил Мэй. – Беги за известкой.

Фредди унесло.

– Таперича, когда этого надоедалу сплавили... – прозвучал таинственный голос.

– Мы откроем писчебумажный магазин! – радостно закончил Мэй.

– Это не послужит вам оправданием, – сурово отозвался маскопродавец. – Отнюдь. Мы сделаем адскую смесь и нальем ему в ведро, чтобы дармоед приклеился к потолку. Вот тогда мы все здорово поохочем!

– Поохочем! – обрадовался Мэй и принялся действовать, действовать и еще раз действовать.

Первым делом он сбегал в «Шинок», выпросил у Фила на вынос здоровенную бюргерскую кружку «Двойного», влил ее в ведро с приготовленной для извести водой, плюнул туда, посыпал сверху мелких бумажек и, чтобы лучше мылилось, выдавил туда же полтюбика клея «Феникс». Сделав свое черное дело, он сложил руки на коленях, как примерный астроном, и принялся ждать.

Через пятнадцать минут появился и сам виновник торжества. Кряхтя и посапывая, он тащил на плече мешок.

– Это чево? – глупо спросил Мэй, так как уже успел подзабыть, за чем же, собственно, посылал рабочего человека. Фредди молча взял мешок за нижние концы и перевернул, высыпав на пол всю известку. Брайан тихо пискнул, но Фредди показал ему ладонь, сказал:

– Спок!

И скоро-скоро закидал всю известь в ведро – ни крошки не осталось. Брайан уже пожалел, что сделал гадость другу, и постарался предупредить его:

– Пст!

– Че? – обернулся Фредди. – Никак, ты тоже хочешь побелить? Понимаю. И поручаю тебе право первого мазка! – и он втиснул ему в руки объемистую кисть. – Валяй!

– А то! – молодецким фальцетом сказал Мэй, окунул кисть по уши в ведро, подставил стремянку и, влезши по ней, храбро мазнул кистью по потолку. Нетрудно догадаться, что кисть моментально прилипла. Мэй трусливо заметался по лестнице, но так как она была коротенькая, он довольно быстро остушился и повис, нелепо суча ногами. Стремянка сделала «скирр» и упала.

– Повеселился? – сухо осведомился Фредди, отбросив окурок сигары. – Слезай, Пикассо. Полезай вниз, говорят тебе!

Но Мэй беспомощно раскачивался на кисти, не решаясь отпустить руки.

– У меня страховки нет, – наконец жалобно сказал он.

– У меня тоже, – сварливо сказал Фредди. – И что мне теперь – по миру пойти?

– Ежели упаду – убьюс, – пояснил Брайан. – А страховки нету. И не на что похоронить будет.

– Да не убьешься! – сказал сурово Фредди. – И не оттудова падали.

– Все равно боюс, – сказал Мэй и еще судорожнее вцепился в палку. – Фред, подай лестничку – я и слезу. Ловко?

– Нет. НЕловко, – проворчал Фредди. – Что мне за это будет?

– А что ты хочешь?

– Ну, – Фредди обшарил взглядом комнату. – Чего это тут у тебя? А, ерунда... А в чулане?.. Тоже чушь чепуховая. А скажи-ка, дядя, что у тебя здесь?

– Где? – трусливо спросил Мэй.

– Вот тут, в серванте – что?

– Ах, в серванте? – переспросил Брайан. – В серванте, да?

– Да, – сказал Фредди, начиная понемногу терять терпение. – В серванте. За стеклом. На второй полке.

– За стеклом, – закивал Брайан. – В серванте за стеклом, я понял. На второй полке. На полочке второй, в серванте, который за стеклом. И с двумя полочками, точно? Или с тремя?

– С двумя, – сказал Фредди. – Щас ведром брошу в тебя.

– Нельзя, – быстро сказал Мэй. – Это венский набор. Фарфоровый. Посудный.

– Чашечки, – забулькал Фредди. – Чайничек. Блюдечки. Мои, – и он потянулся к набору жадными руками.

– Не смей! – заверещал Брайан так, что в стену застучал Питер Габриел и пригрозил набить из нарушителей спокойствия чучела. Нарушители затихли. На время. Весьма короткое – пять сек.

– Почему – не смей? – переспросил Фредди. – Почему бы и не смей? Щас смету его в сумку, дам стремянку...

– Это не мое, – торопливо сказал Мэй. – Точнее, мое, но не совсем мое. Наследство это. Память бабушкина. Последнее «прости».

– А тебе какая разница, где твои прости стоять будут: у тебя, в грязи – или у меня, за красивым стеклом в красивом китайском шкафчике, рядом с чудными дрезденскими куколками?

– Тьфу, – передернулся Брайан, при этом чуть не сорвался и вцепился в кисть так, что побелели костяшки пальцев. – Куколками. Молокоотсос. Играется! Дю! Маленький. Позор впавшим в детство!

– Дурында, – сказал, покраснев, Фредди. – Это объекты эстетического любования. И твой венский набор будет жемчужиной моей коллекции.

– И не проси, – наотрез отказался Мэй. – Лучше упаду.

– Падай, – нежно сказал Фредди. – Прямо на острые камни. Будет печально, но придется пригласить Пейджа.

– На какие камни? – робко спросил Мэй. – Гтгде ттут кккамни?

– А вот, вот, – угодливо сказал Фредди и – ап! – ловко высыпал из карманов прямо под Брайана целую кучу отборно острых, угловатых и грязных кирпичей. – Прошу приземляться. Мягкой вам посадки, гражданин.

– Нет. Спасибо, – Брайан вцепился в кисть пальцами ног и решил, что будет висеть, а когда Фредди уйдет, станет кричать, пока его кто-нибудь не спасет.

– Давай-давай, – поддержал его мысли Фредди. – А я пока горло промочу. После киселька сушняк. А кстати!

Он схватил с каминной полки Мэя какой-то пузырек с чрезвычайно аппетитно булькающей внутри жидкостью, и залпом выпил. Мэй при виде этого заохотал от смеха.

– Непонятно, – пожаловался Фредди, с хрустом сжевав пузырек. – Не распробовал. Глоп – и нету.

– Знаешь, что ты выпил? – прохрюкал с потолка Брайан. – Это был мой нитроглицерин. Я им протираю линзы в телескопе, хотя он, возможно, еще для чего-то нужен.

– И что? – не въезжал Фредди.

– А еще то, – давился Мэй, – что он взрывается при малейшем сотрясении или надавлении на него извне.

Фредди выпятил живот.

В животе ухнуло.

Фредди насторожился.

В животе ахнуло.

– Мама, – сказал медленно Фредди. – Ой, мама. Мэй, где тут у тебя клозетик?

– В клозетик нельзя, – перепугался Брайан. – Ты там все к чертям разнесешь.

– Разнесу, – кивнул Фредди. – Обязательно разнесу. Если, – он подвигал бровями, – не отдашь мне наборчик.

– Ни за что! – покачался на кисточке Мэй. – Пусть даже меня режут. Э! Э! погоди! – завизжал он, глядя как Фредди, пожав плечами, вновь устремился к кабинету задумчивости. – Там же у меня новенький стульчак финской марки!

– Да? – сдержанно удивился и поразился Фредди. – Ну так скажи своему стульчаку финскому добрых слов. Ибо через минуту он будет уже там, откуда не возвращаются.

– И ты тоже! – злорадно сказал Брайан.

– Но – облегченный, – парировал Фредди, и вновь вернулся к цели. – Я иду?

– Нет... Фред... Ну погоди! – заныл Мэй, обращаясь к спине Фредди. – Дай подумать!

– Не могу, – ответствовала спина. – Не в силах.

– Можешь, – скрипел, раскачиваясь, Брайан. – Минутку. Положим – только ПОЛОЖИМ – что я отдам тебе венский набор. И что тогда?

– Тогда, – вернулся Фредди, – я тут же ставлю стремянку...

– Да, – коварно заблестел глазами Мэй. – Отдаю!

– Нет, – поправился Фредди. – Я сначала беру набор, а потом, положи его на стол, ставлю...

– Забирай! – радостно крикнул Мэй.

– Обрато нет, – поднял палец Фредди. – Я беру набор, выношу его на улицу, возвращаюсь и ставлю стремянку.

– Идет! Идет! – вопил Мэй, думая про себя: «Окно-то! Окно! Хо-хо! Шо-шо!»

– Идет так идет, – сказал Фредди, взял набор, вынес его на улицу, вернулся и принялся тщательно запирать окна.

– Ты это чего? – сердито сказал Мэй, не ожидавший такой подлости от друга.

– Что-то у нас как-то сыро, – со лживой заботливостью сказал Фредди. – Заметьте – по рюмашке я вам не предлагаю, а предлагаю я себе отнесть набор домой, облегчиться, и по возвращении поставить стремянку...

– Да ты с ума сошел! – заревел Мэй. – Я изнемогаю!

– Ничего, – утешил его Фредди. – Я тоже. Если бы ты не был таким упрямым, ты бы уже давно был бы внизу. И мы бы всю белили бы. А так ты только себе каку делаешь.

– Нет уж, – уперся Мэй, – ставь сейчас, а то обижусь и не сделаю кота без хлопот.

– Шантажист, – устало сказал Фредди, но все же подставил стремянку. Брайан радостно отпустил руки, но, так как ноги его порядком затекли, он не удержался и с грохотом пересчитал все ступеньки лестницы, после чего остался лежать неподвижно у ног Фредди.

– Сколько? – поинтересовался Фредди.

– Семь, – слабо сказал Мэй. – Фредди, выполни последнюю волю умирающего Мэя.

– Да ради Бога, – сказал Фредди. – Все, что в моих силах.

– Тогда, – начал Брайан. -...

– Все, – подтвердил Фредди. – Кроме венского набора.

Брайанова голова, звякнув, упала на пол. Фред пожал плечами и вышел. Через минуту с улицы раздался его ужасный крик:

– Мерзавцы! Злохвосты! Кто спер набор?

А тем временем масконоситель и Брайан, хихикая и перемигиваясь, запикивали набор под диван. Едва они его успели забросать всякой гадостью, как в дом ворвался Фредди в расстроенных чувствах.

– Где сортир? – заорал он с порога. – Иду прямой наводкой по стульчакам, нажитым несправедливым трудом! Огонь! Огонь!

– Нет, Фред! – прижался к его клетчатым ногам Мэй. – Не надо! Оставь в покое мой клозет!

- Да! – рявкнул Фредди. – А мой набор? Кто его спер? Вот кто? – и он вцепился в незнакомого. – Ты украл? Раздавлю, как чипсу!
- Нет, – с достоинством сказал масочник. – Не раздавишь. Неизвестных не давят.
- Маска, – сказал Фредди, вода мизинцем перед носом под полумаской. – Маска, я тебя знаю! Ты – Джим Керри!
- Это я Джим Керри! – всунулся в окно какой-то парень со смешной физиономией.
- Ммухх, – сказал Фредди, с презрением выталкивая ладонью в лицо пришлеца. – Керри, снимай маску, я тебя узнал.
- Да это я – Керри! – вновь всунулся тот. – Вот и паспорт!
- Уйди отсюда, – сказал Фредди, выдавливая его из комнаты тем же способом. – Маска, я знаю твой фильм. Ты там играешь. Я читал в «Передовом ударнике Трура»!
- Да я там играю, я! – опять влез безмасочный, складывая свое лицо в жалюзи. – Вот же!
- Ну разумеется, – кивнул Фредди. – Я тоже там играю. На пиле. И не крой мне рож!
- Он грохнул ставней, заставивши тем самым пришлеца спланировать вниз.
- Вот молодежь пошла – все им надо! – пробрюзжал Фредди. – Трутни!
- Фред, – мягко сказал Мэй. – Это же и вправду был Джим Керри.
- Да? – растерялся Фредди. – А как же маска?
- Так может, это другая маска? – бросил реплику Джим Керри, который, никем не замеченный, проник через черный ход, и теперь лез на шкаф. – Незеленая.
- Может, ты Фантомас? – с надеждой спросил Фредди.
- Масочник покачал головой.
- Методом дедукции, – сказал Фредди, – я вычисляю, что ты не кто иной, как Зорро.
- Нет, – сказал незнакомец. – Я не Зорро. И даже не зять его Бандерас.
- Может, однофамилец? – с надеждой спросил Фредди.
- Ни в коем разе, – сказал маскоголовый. – Задом наперед – совсем наоборот.
- Ну не Брайан же ты Адамс, – устало сказал Фредди. – Кто же ты? Может, Моффи?
- А это еще что за чудеса? – удивился Мэй.
- Моффи – это Моффи, – пояснил Фредди. – Все. Отныне ты – Моффи. И даже если ты ни кто иной, как Брайан Адамс – что маловероятно – для меня ты отныне Моффи.
- Ну уж простите! – и из-под маски выкарабкался вспотевший и злой Брайан Адамс. – Не желаю! Зовите хоть Леопардом, только не Моффом.
- Для меня ты – Моффи, – отсутствующим голосом заявил Фредди. – А никакой не Леопард. И уж во всяком случае, не Адамс.
- Нет! Клянусь моим мегафоном, нет!
- Да, Моффи, – ласково прошептал Фредди. – Да. И перестанешь ты быть им только в том случае, если сможешь мне сейчас же найти мой венский набор...
- Как ни подавал Мэй Адамсу отчаянные знаки ушами, тот повелся на моффианский блеф. Он, всхлипывая, полез под диван и вытащил облепленный разной гадостью короб с набором. Фредди заверещал и кинулся целоваться с посудой. Мэй же стоял особняком и говорил в адрес Адамса слова, хоть и нехорошие, но не лишённые некоего налета гуманности и эстетизма. Например, «форшмак».
- Не говори дрянь, – сурово сказал Ринго, возникая на пороге. – А то – штраф. Ты меня не узнал, может быть? – и он затряс носом.
- Йеху! – и ноги Брайана, мелькнув, исчезли за окном.
- Ринго, высунувшись за ним, долго и безуспешно свистел, после чего, обернувшись к друзьям, внушительно протрубил не до конца вытряхнутым носом в огромный клетчатый плат, и загремел:
- За выгонятельство оскорбителя Блюстителя и за укрывательство особо ценного для блюстителя же венского набора – штраф в крокодильском размере!

– В энтакоем? – вытащил из-под кровати крокодила Фредди и протянул его обмершему Ринго с выражением глубочайшего почтения и преданности. Старр крепился три секунды, после чего с жутким ревом вылетел в окно. За ним, возмущенно вереща, последовал Джим Керри – он ревновал всех к зеленым.

– Ишаки, – сказал Фредди, заботливо запихивая крокодила ногами вперед обратно под диван.

В окне показалась взъерошенная голова Брайана.

– Ушли? – прошипела она.

Фредди вместо ответа сложил губы трубкой и издал поцелуйный звук и, взяв под мышку вожденный набор, собрался уходить.

– А ремонт? – взревел разобиженный Мэй. – Ремонту подавай!

– Сейчас подам, – проворчал Фредди, мимоходом отвешивая злополучному Брайану внушительную оладью по мягкому месту.

– Ну и сдохнут твои звери смертью неминуею! – провыл вслед Мэй.

– А я им панadolu дам, – прозвучал ответ удаляющегося Фредди.

Тогда Брайан замыслил кровавую месть. С помощью безмасочного теперь Адамса он кое-как доделал ремонт, затем поскакал в «Шинок», они с Филом заперлись там и долго о чем-то совещались за закрытыми дверями. Как ни пыталась их взломать заинтригованная общественность в лице Васи Стрельникова и парней из «Aerosmith» под коноводством губастого Тайлера, который, под звуки трещащей двери, вопил: «Так им! Гапоны плешивые!»

Когда же дверь слетела с петель, они узрели уже прощающихся негодяев. Один из заговорщиков обозвал взломщиков тунеядцами, гусями и ползучими зелибобами, опосля чего заставил их заменять ему дверь. А второй заговорщик неспешно удалился, горлумкая и гложа свои черные пальцы в предвкушении мести...

На другой день Фредди проснулся у себя в особняке... И так зарррррычал, что проснувшийся по ту сторону Кенсингтона дедушка Джорджа Харрисона, не разобрав в чем дело, в одних подштанниках выскочил на балкон с берданкой и пару раз выпалил в воздух, после чего сиганул через перильца и помчался по улице, крича, что наконец-то настало его время. Что он имел в виду, стало известно, когда через неделю по телевизору в новостях сообщили, что Ирландия опять объявила войну Северной Англии и ее колониям в других странах. Правда, дальше сообщения дело не пошло, но все равно то тут, то там в Ирландии еще долго раздавались одиночные выстрелы из берданки...

Но мы отвлеклись. Фредди заорал из-за того, что по всему его персидскому ковру были разбросаны клочки из брошюры про здорового и безхлопотного кота, а одна из кошек, жалобно стелая, таскалась по комнате с привязанной к хвосту гирляндой консервных банок.

– Я знаю, – сказал Фредди злобно, – чьи это происки. Только Боуи у нас жрет «Килька в мас...», – не договорив, он выскочил из дома и побежал к будочке, откуда вскоре на весь район стали доноситься вопли: «А ты кто такой?» и звон разбиваемых о чью-то голову банок и бутылок. Наконец оттуда выкарабкался Фредди, трижды поклонился и на карачках уполз обратно в особняк.

– Ошибочка, – бормотал он, втаскивая свое щуплое туловко по ступенькам. – Выходит, не один Буй жрет рыбу... Хо! Это что?

И Фредди потянулся к почтовому ящику, из которого умильно выглядывал кончик конверта. Фредди вытащил письмо и быстро его развернул, а там оказалась дохлая крыса, восемь паучков, три сушеные ящерицы и одна вяленая вобла. Под всем этим было уничижающе подписано «Так будет со всяким!» Фредди сразу почуял неладное.

– Наверняка это храбрые львы, называемые Роджер и Джон, – подумал он. – Хотят сделать мне козью морду. Но я буду начеке. Или начеках, – добавил он, подумав, как следует. После чего кинул присланные пакости в мусорный бак, вытер руки об дверь и вошел в дом.

Через секунду его тоскующий крик потряс сердца и уши каждого трезвого кенсингтонца, а поскольку сейчас был файф-о-клок, то единственный сухой в районе – Джордж Харрисон – расчувствовался и по этому поводу устроил грандиозную пьянку. Дело-то было в том, что по особняку разгуливали уже все четырнадцать товаров баночно-хвостатой кошки точно с такими же украшениями.

Откричавшись, Фредди сел писать тревожные письма. Королеве. Потом – канцлеру, принцессе Диане, Роберту Карлайлу и еще тридцати влиятельным лицам королевства. Дописав, он с чувством глубокого удовлетворения зализал конверты и улегся прикорнуть в корзинке. Вскочив через полчаса с твердым намерением идти на почту, он кинул взгляд на стол и громко, с чувством сказал:

– ВОТ...!!!

Больше он ничего не сказал. Да и не требовалось – на столе вместо готовых к отправке писем нагло лежал Ангус Янг, расклячив живот, и ел бутерброд с жирной колбасой. Рядом с ним примостился баран Филя и жевал траву, принесенную с собой. На шее у Янга был плакат «Инглиш воровайка», а на шее у барана – «Венский набор не выдержит двоих». Посреди стола аккуратно догорали все письма. На подоконнике сидел, свесив ноги, Брайан и со зверским выражением лица держал веревку, к которой были привязаны за хвосты все кошки. А Коллинз, последнее действующее лицо в этом фарсе, держал наизготовку таз с «Кенсингтоном», чтобы раз и навсегда оградить Фредди от глупостей и поползновений к вырочательству кошек и прочим дерзостям.

– Мэй, – сказал Фредди стальным голосом. – Дай кошек.

– И не подумаю, – отозвался чрезвычайно довольный Брайан. – Еще одно слово – и я превращу их в пюре, – и он выразительно покачал вервием.

– Птички мои, – тоскливо спросил Фредди. – Что там с вами?

Ответом ему был нестройный вой по ту сторону окна.

– Душегубы, – сказал Фредди с легкой грустинкой. – Живодеры. Шпана сельская. Обезноздрить бы вас. Каленым железом.

– Отдай собственность, – громко сказал Мэй.

– Не могу, – еще более грустно сказал Фредди. – Я ее променял Васе Стрельникову на галапагосскую черепаху и карпа кои. Черепаха сбежала сразу, вон она, несется, я ее в окошко вижу, а карпа могу предъявить хоть щас.

– ВАСССЕ?! – взревел Брайан, и его лицо сменило сто восемнадцать выражений – дело в том, что Стрельникова знали в Кенсингтоне не только как почетного донора, хаммермитского беса и ведущего масскульта, но и как заядлого бойца посуды, и если Стрельникову удалось разбить особо ценную вазочку или стакан, он ходил гордый и считал, что день не прошел зря.

Вот почему Брайан с воем вылетел сейчас из дома Фредди и полетел по направлению к почтовому ящику Стрельникова. Вслед за ним выскочил и Коллинз – если Вася успеет разбить набор, а Фил не успеет раззвонить об этом на весь рынок, шинкарь мог считать, что потерял работу – лучшего звонаря, чем Коллинз, еще не знал никто. Фредди подумал и припустил за ними, по пути спустив Ангуса в канализацию при помощи метелки, рожка для обуви, водяного пистолета и пары пустых бутылок из-под «пепси». Баран, почесав в своем бараньем затылке, плюнул на траву и поскакал за остальными.

В почтовом же ящике на углу Ягуляра и Филхама, с парадным и черным ходами и занавесками на окнах, служащем походным домом Васе, было тем временемлюдно и весело.

– Габон, – нежно позвал Стрельников своего друга – маленькую платяную вошь с накладными усами из лески, которую он давным-давно поймал в канализации, и теперь холил и лелеял. – Гляди, как сейчас хряпнется этот чудный стакашек! ДЗЫНЬ! Здорово? А теперь погляди, как нежно звякнет вот этот соусник! БРЯМС! Огого! Ничего себе!

На этом проповедь Стрельникова прервалась – к нему вломились все предыдущие лица. Стрельников посинел от ужаса, сморщился весь и стал похож на старуху Шапокляк, а Габон быстро заполз в свою любимую щель – в дырку ботинка Стрельникова. Брайан, взвывая, как Элтон Джон, которому наступили на очки и съели шляпу, кинулся к остаткам стакашка и соусника, прижал их к утлой груди и принялся баюкать. Фил, запыхавшись и поддерживая руками живот, подбежал к Стрельникову и загородил от него окно, истерически взвизгивая:

– Ба... батюшки! Ох! Не дам! Не лезь!

Стрельников же норовил проскользнуть между ним и рамой. Под окном Стрельникова уже собралась толпа, привлеченная шумом, звоном и криками, а также гулками ударами гонга.

– Бедный Фил, – посочувствовал Питер Габриел, жадно глядя в окно и записывая что-то на манжете. Джимми же Пейдж подмигнул ему и приготовил лопату.

– Люди! – орал Стрельников, на миг выныривая из-под подмышки Коллинза. – Знаете, за что меня? Стака...

Тут же он пропал, так как одновременно три чых-то руки одновременно оттащили его от окна за штаны, а еще один внушительный кулак крепко запечатал стрелецкую пасть.

... Чрез толпу, охая и держась левой рукой за правый бок, уже прорывался Фредди верхом на баране.

– Запасайтесь, дьяволы, гробами! – гремел он, – Я иду! Я уже иду!

Подсадив в окно барана, он безуспешно запрыгал, пытаясь залезть туда же сам, в надежде, что кто-нибудь из толпы его подсадит, или же из окна его втащат. Но в толпе от души потешались над его прыжками, а в квартире Стрельникова было не до него – там уже разгорелась настоящая баталия.

Брайан, закрывая своим длинным телом венский набор и высунув язык от усердия, склеивал черепочки остатками клея «Феникс». Спотыкаясь об него, бегал по комнате Стрельников, пытаясь улизнуть от Коллинза, который таранил его пухлым брюхом, а по полу катались, схватившись не на жизнь, а на смерть, кользенский баран и отважная вошка Габон. Кошки Фредди, которых Брайан подвесил на веревке к люстре, раскачивались, линяли во все стороны и жутко орал. В общем, творился настоящий хаос и даже больше – патология.

– Мерзавцы! – это в окно-таки влез всеобщий любимец Фред. – Я вам покажу...

Он не успел показать – ему под ноги подкатился взъерошенный баран, и Фредди, заорав, встал на голову и побежал, как марсианский богомол, по комнате, пытаясь сохранить равновесие. Но равновесие упрямо не желало сохраняться, что и привело к катастрофе. Фредди, заскрипев от натуги, как столетний хрыч Сэм Джонс, стал медленно заваливаться набок. Клеющий Мэй при виде кренящегося Фредди заверещал, но – хруп! – тот уже свалился на тщательно склеенный соусник. Брайан безмолвно проводил глазами вываливающегося из окна Фредди, потом утер слезы и вновь принялся за свой скорбный труд.

А тем временем случилась новая напасть – Дэвид Боуи, в сопле упившийся крющоном, явился на свет божий и застал возмутительный беспорядок.

– Полундра!!! – заорал он во всю глотку. – Плевать на мой лысый череп! Без меня зубы рвут!

И он мощным рывком подскочил к окну аккурат в момент подлетания Фреда к земле, послужив точкой соприкосновения. Фредди встал и уставился на него.

– О! – сказал он с невыразимым удивлением. – А ты что тут?

– Эх! – радостно сказал Боуи. – Как хорошо! Драться идем?

– Фу, – повернул ноздри по ветру Фредди. – Бе. Господин Дэвид, от вас прет. Удалитесь на лежбище.

– На пастбище! – заревел Боуи, схватил Фредди в охапку и принялся с ним отплясывать фокстрот. Вокруг них быстро собралась толпа танцующих, и вскоре весь рынок вдохновенно

прыгал и скакал под аккомпанемент губной гармошки Джорджа Харрисона и дудки Дикона. А Брайан тем временем уже доклеил набор, и, сдув с него пылинку, поставил в шкаф.

– Вот! – сказал он с умилением. – Как красиво!

– Где-е-е??? – в окно всунулась пьяная помятая кудлатая голова Джимми Пейджа. – Хрюк!

– Марш отсюда, свинья! – гаркнул Брайан. – И я за тобой.

Пейдж отдал честь, при этом он убрал руку, которой держался за подоконник и с диким криком упал вниз. Брайан вынул наборчик из шкафа, упаковал его в коробку и направился к двери. Тут его перехватил Стрельников.

– Где мой ГАБОН?! – заорал он прямо в нос Мэю.

– Вот! – и Брайан сунул ему в руки глобус, ткнув пальцем.

Вася увидел родимую страну под названием Габон и стал ее гладить, и алкать ее, и говорить с ней. К нему незаметно подкрался Коллинз, и —

– НЕЕЕЕЕЕЕТ!!!

Дело в том, что Стрельников сейчас как раз вытащил микрофон, и теперь под прикрытием глобуса рассказывал про битву во всех подробностях, опередив тем самым старого сплетника и наушника.

– И в этот роковой час, – летел его голос по улицам Кенсингтона, – нашелся-таки человек, который спас соусник и стаканчики! Это – я! Ура! Поцелуемся же!

Танцующие на улицах затихли, и только Дэвид Боуи, уже отцепившийся от Фредди, прыгал и скакал вместе с Миком Джаггером, как веселый гну.

– Друзья, возрадуемся! – летел из динамиков голос Стрельникова. – Хироро!

– Я вот тебе покажу «хироро»! – раздался в динамиках вдруг рев Фила Коллинза. – Раз! Два!

– ХООДООДО!

– Естественные причины, – развел руками Фредди, и бросился спасать Стрельникова. Вслед за ним потянулись и остальные. И едва успели вырвать полузадушенного Васю из цепких щупалец Коллинза.

– Люди, будьте бдительны! – сипел Стрельников, пока его размазывали по кушетке. – Держите шинкарей под замком! Таким не место среди нас – таким место среди них!

– Да вы меня токо пустите! – рвался Коллинз. – Я ему покажу мое место!

– Твое место возле чана, – возразил ему Фредди. – Посему застегни хохотальник и дай выпить!

– Дай! Нам! Пить! – грохнула общественность.

Фил вздохнул, но покорно поплелся в «Шинок». И выпивка в тот день все-таки была бесплатная.

А венский набор и по сей день хранится у Брайана. Было из-за чего шум подымать!

А обои, приклеенные им, отвалились вскоре прямо ему на голову. И штукатурка. Вообще весь дом рассыпался, как плохой сахар. И ушел Брайан жить к... Но это уже другая история.

/ – картинка №4 – /Грибная икра для медведя-шатуна, или Жрите, любезные!/ /

Однажды Стингов медведь отравился грибной икрой. Икру он делал сам – собирал опят и маслятов, пихал их в мясорубку, одной лапой придерживал рвущуюся наружу коричневую скользкую массу, а другой – энергично крутил ручку. Потом добавлял соли и специй по вкусу, и немного свежей зелени – для аромата. Выложив на блюдо икру, он также готовил рагу из петушких гребней и почек, клал на оное пулярку и подавал себе на стол.

А потом начинал так громко чавкать – чав-чав-чав... Нет, вот как: ЧАВ-ЧАВ-ЧАВ, – что заглушал даже лекции преподобного мессира Д. Р. Дикона по христианству, англиканству и, по особой просьбе Фредди, зороастризму. Бои еженедельно на два часа запирали в хлеву, дабы простой люд мог прочитать лекцию – каждый, про что хотел. А Дикон хотел читать лекции исключительно на религиозные темы. После лекций происходили шумные диспуты, оканчивающиеся, как правило, кучей-малой...

Но вернемся все же к икре. Медведюшка на этот раз дал маху – побросал в блюдо немного тертой брюквы, а даже сапожнику Флетчу было известно, что от смешения брюквы с маслятами здорово пучит живот и жутко хочется летать. Медведь же, однако, этого не знал, да и вообще он жрал брюкву с чем попало – с семгой, с черничным вареньем, и даже с тараканами. Но с грибами ел впервые. И вот вам результат – охолонулся. Брюхо у него раздуло – будьте нате! Поэтому несчастное животное захныкало и, подойдя к Стингу, жалобно сказала:

– Ну, вот и смертушка моя пришла!

– Кто? Что? Куда пришел? – побледнел Самнер, шустро пряча за спину баллон с пивом. – Не дам!

– Никто не пришел, – разозлился медведь.

– А, это просто ты с ума сошел? – натужно рассмеялся Стинг, пытаясь засунуть баллон в штанину.

– Помираю я, – голосом примадонны сообщил медведь. – Дохну. Подыха-аю!

– Да тебя и колом не перешибешь! – отмахнулся Стинг, и присосался к банке. Медведь, до смерти пораженный таким явным равнодушием со стороны хозяина, так расстроился, что тут же побежал топиться. До Темзы, однако, дело не дошло, так как на набережной Гризлу встретился Фредди, деловито жующий что-то, завернутое в бумажку. Да-да, прямо с бумажкой.

– Чего это ты жуешь?

– спросили они одновременно.

– Куда это ты идешь?

– Куда я жую? – удивленно повторил Фредди. – Ясное дело, в живот! Куда ж еще?! Чего же боле? – и он разразился клохчущим, полузадушенным смехом.

– Чего я иду? – удивленно повторил медведь. – Топиться, ясное дело! Куда же еще? – и он уже приготовился тоже вдосталь наквохтаться, но тут вспомнил о своей суицидной миссии и пригорюнился. – Пропускай, чего встал? У нас район свободный, кто когда хочет, тот и топится! Пропусти немедля!

– Медля! – упер руки в боки Фред. – Топиться, да? И без моего сыновнего благословения? Ты же мне, – и он всхлипнул, – как мать и отец родной. Ы!

И Фредди с медведем, обнявшись, так захныкали, что Темза чуть не вышла из берегов. Из берегов, впрочем, вышел дедушка Джорджа Харрисона с удочкой и чуть не отхлестал плакунов, еле спаслись они. Но рев все равно не стих, что характерно.

– Летать хочу, – плакал медведь, – а животная сущность не позволяет.

– Заратустра позволяет, – ревел Фредди. – Лети, голуба! Лети на здоровье!

– Крылёв нету! – заливался медведь. – Без крылёв – какой я вальдшнеп?

– Обрезали? – ноздри Фредди затрепетали, чуя несправедливость.

– И не было их! – сухо напомнил мишка. – Я же зверь.

– А, стоп! Крылья! – восторженно вскрикнул Фредди. – Всего-то делов... Пошли!

И пошли они не куда-нибудь, а к Дэвиду Боуи. Медведь занял позицию в арьергарде, а Фредди присел под окном у Боуи и закукарекал, подражая Хетфилду:

– А во-от продаю старые дубины! А во-от почти даром новые аксолотли!

Буй, высунувшись на миг из окна (ему стали любопытны аксолотли), попал прямо в лапки медведя, который слегка его прижал и содрал с него крылышки. Боуи тут же сел на землю и заплакал, размазывая по щекам грязь и типографскую краску (как раз за распечаткой свежего номера «Вестей с полей» застали его подлые медвежьи заговорщики). Фредди утешил его куском репки и стал играть с ним в бабки и дедки (это игра запрещенная, и о ней не расскажем).

А медведь, нацепив крылья, ринулся вниз с обрыва, радостно заревел, и...

И тут действие грибов кончилось... Не будем же более о грустном!

/ – стих №2 – / Ода английскому огороду, или Уж!!! /

Однажды Дэвид Роберт Буй
Забрался в огород,
И вдруг он видит – из гряды
Торчит огромный рот.

А в этом рту торчит морковь,
И смачно так хрустит,
И Дэвид руку протянул —
А ну, как угостит?

– А ну, как я не угощу! —
Сказал нахально рот, —
Тебе мозги прополощу,
И станешь ты комод!*

*(*Существует версия, что имелся в виду римский император Коммод, но насчет этого нам никаких рекламаций не поступало. – прим. авт.)*

А Дэвид в это время – хватъ
Морковку изо рта:
– Тебя я лихо обманул,
Дырявая тахта!

Но рот, вдруг выпрыгнув из грядки,
Оказался Джоном,
Он показал Маису пятки
И отправился в булочную за свежим батоном*.

*(*Мы понимаем, что это попираие устоев, но короче написать никак не получилось, а ни за чем другим Джон, как мы ни умоляли, отправиться не захотел. – прим. авт.)*

– Росли чтоб пятки изо рта,
Я сроду не видал! —
Сказал так Дэвид Боуи,
И следом побежал.

Потом на грядках очень быстро
Выросли носы,
А за носами очень быстро
Выросли басы.

Там вырос Пол Маккартни, также
Билл Уаймен, Дафф,
А вслед за ними выползли
Медведь, баран, удав,

Пятнадцать кошек, бегемот
И маленькая зебра,
А также Фредди Меркури,
Брай Мэй и сколопендра!

Мэй с диким ревом от нее
Запрыгнул на забор,
А Фредди в спину ему кинул
Тухлый помидор.

А Стинг, явившись из окна,
Как Спас Нерукотворный,
Изо всех сил метнул им вслед
Топор и дрын подпорный —

Из-за чего и рухнул дом,
Его родной домина!
Стинг-Самнер плакал и кричал
Вслед Боуи: «Дубина!»

А Дэвид отвечал:
– Ты что,
Причем тут я, осел!
Лови скорее Дикона,
Пока он не ушел!*

*(*Как вы помните – в магазин за свежим батоном. – прим. авт.)*

Во всем один он виноват,
Зарылся он в гряды,
А я теперь через забор
Дороги не найду!

– Найдешь! – кричал сердитый Стинг, —
Сейчас я покажу!
И он, как истый Стивен Кинг,
Отдал Буя Джорджу.

А Харрисон был очень зол
На Боуи неделю —
Ведь Буй ему налил чернил
В любимые ботинки!*

(Как вы сами понимаете, комментарии излишни. – прим. авт.)*

Маис был без дубины нынче,
Сдал ее в утиль,
И за сто фунтов приобрел
Большой автомобиль.

(Пошто так дешево? А в нем
Мотора нет уже,
И он стоял у Роджера
Лет десять в гараже.)

Ворчащий Харрисон засунул
Боуи в багажник,
Но перед этим выудил
У недруга бумажник,

Пошел, напился и проспал
Пятнадцать дней в овраге...
А Боуи в багажнике
Со злости слопал краги*!

(Краги – кожаные шоферские перчатки до локтей, с раструбами. – неожиданно в тему прим. авт.!)

Пока его не выпустил
На волю Коллинз Фил
И под завязку «Кенсингом»
Его не напоил.

И стал наш Боуи опять
Сильнее всех на рынке,
И снова начал отбирать
У бабок с маслом крынки.

И с маслом тем он ел блины,
И на глазах мужал,
А Харрисон в своем овраге
Изловил ужа...

Отныне Брайан Гарольд Мэй
Спокойно спать не мог —
Его будил огромный уж,
Похожий на шнурок.

И он в окно смотрел на Мэя
Так, что тот вопил,
А Харрисон на радостях
Часы свои пропил...

(Нам тут поступают телеграммы с требованием продолжить сюжетную линию романтической связи Джона с батоном хлеба, но отвечаем вам со всей прямотой – на это мы не уполномочены. – последнее прим. авт.)

/ – картинка №5 – / Искатель потерянного музея, или Революшенри! /

Однажды Фредди пошел в музей Революции. А так как он не знал, существует ли такой музей в Лондоне, то он просто шатался по району, время от времени начиная тревожно метаться и с беспокойством интересоваться у прохожих:

– Вы, мерзавцы, небось, не знаете, что я иду в музей Революции? А? О!

Но в ответ он получал только тумачи или, в лучшем случае, плевки на поля своего широкополого сомбреро. А где он его взял? Сейчас узнаете.

Во время своих странствий Фредди наткнулся на гражданку с сомбреро на голове и сорвал с нее шляпу с криком:

– Поносила, дай другим поносить! Не одна ведь! Люди ждут.

– Ну ты и лец! – густым басом ответила гражданка, и Фредди с ужасом узнал в ней Марка Нопфлера. – Шляпку мою захотел? А ты знаешь, лис паршивый, что таких шляп уже нигде не делают, и что если бы ты, гамадрил, мне ее испортил, то всю жизнь алименты бы мне платил. Денно. И ночью.

Марк закончил свою патетику и протянул руку:

– Штраф!

И Фредди с ужасом узнал в Марке Нопфлере Ринго Старра.

– За что? – обомлел несчастный искатель.

– А за то, ребро ты адамово...

– Клейтона или Смита?

– А у тебя деньги есть? – вопросом на вопрос ответил Ринго.

– Пока есть... – трусливо придержал рукой карман Фредди. – А чегой?

– А тогой, – нравоучительно изрек Блюстителю, – что деньги имеет только Адам Смит.

А Клейтон их сроду не жевал.

– Точно, – закивал Фредди, вспоминая, как Клейтон вчера приходил к ним на студию просить в долг, и как он, Фредди, с наслаждением выкидывал его в окно. А Брайан при этом играл на гусях похоронный марш...

– Итак, о деньгах, – прервал его сладкие воспоминания Ринго. – Плати штраф!

Фредди со вздохом выгреб из кармана всю мелочь и отдал ее Ринго, который немедля выписал ему квитанцию, упрятал штраф в один из своих необъятных карманов, снял шляпу, обдул пыль, сказал: «Пусть ее», и с гордостью вручил Фредди. Тот нахлобучил шляпу на уши, земно поклонился Блюстителю, и, насвистывая, пошел в музей.

Пройдя сто метров, он остановился и даже захрюкал от бешенства – с противоположного тротуара, стоя за одним из лотков, ему весьма приветливо улыбался Элтон Джон и держал в зубах объявление низкого содержания:

«ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! БЕСПЛАТНАЯ РАЗДАЧА БРАЗИЛО-ЯКУТО-МЕКСИКАНСКИХ ШЛЯП – СОМБРЕРО!»

Элтону можно простить невольный грех – он не обучался в колледжах, как квины, он только закончил консерваторию, и то давно, и до всего доходил своим умом. Но его ум как-то не дошел до того, что Бразилия и Якутия – две большие разницы. А когда ему об этом тактично намекали, он рычал и плевался. А Фредди успокоиться не хотел долго. Отвесив подзатыльник Элтону, он три квартала спасался от Боуи, который подрабатывал (sic!) у Элтона (sicsic!) секьюрити (sicsicic!!!). Отвязавшись от Боуи (очень много sic), Фредди придумал новую забаву – растер по стеклам «Шинка» разной дряни, и долго громко злобно хохотал, довольный проделкой. Затем он пошел в ресторан и проделал там одну из своих старых шуток – напился, упал, пролетел два лестничных пролета и выбил стеклянную дверь. И уже под вечер,

бреда окольными путями домой, он-таки наткнулся на музей Революции. Лбом. Но что это было за здание, Фредди не понял, пнул его, отшиб еще и ногу, опосля чего уполз домой, подвывая и обещая страшно отомстить. Всем. И музейщикам в частности. И отомстил. Но это уже совсем другая история.

/ – картинка №6 – /«Рьяный вегетарьянец», или «Шинок» – приют для всех убогих?/

Однажды жил да был, жил да был не очень страшный Жилдабыл, а совсем не страшный Коллинз Фил. Вполне такой нормальный Фил. Умный, но хитрый. Хитрый, но добрый. Добрый, но в кредит не отпускал. В кредит не отпускал, ко всем верил. Всем верил, но всех дурил. Всех дурил, но никого не обманывал. Никого не обманывал, но был не простак. Не простак, но... Да хватит уже, честное слово!!!

А важно то, что Фил после встречи с барашком совершенно опустил и перестал есть мясную пищу. Стоило ему взять в зубы смачную котлетку, как он тут же встречался взглядом с укоризненным глазом барана. Фил краснел, бледнел и выбрасывал котлетку в окно, где ее тут же ловил в сачок керосиновых дел мастер Элтон Джон. А Фил катастрофически терял вес. Он уже не был тем упитанным коротышкой. Напротив, он стал таким щуплым, что его даже путали с Брайаном, и если Фредди и вмазал единственный раз за всю свою жизнь Филу по затылку, так только потому, что спутал его со спины с Гарольдычем.

– Глуп, как пуп, – ругался Коллинз на следующий день в «Шинке». – Спутать меня – с этим хлыщом! Эва!

– Твой Мэй, – раздался вдруг чей-то вопль, – сидит тут на месте Филадельфия и буровит с копытным!

И на лысину Коллинза обрушился такой хлопок, что бедный шинкарь чуть не отдал Богу не только свою измотанную душу, но и кое-что иное. Развернувшись, он узрел сзади не кого иного, как Дэвида Боуи собственной персоной.

– Уг, – смущенно кашлянул Боуи. – А где Мэй?

– Откель я-то знаю? – сердито сказал Фил, потирая хлопнутое. – Я шинкарь.

– А чего отощамши? – недоверчиво спросил выглядывающий из-за плеча Боуи Джон.

– Это называется – лечебное голодание! – поднял палец Фил. – Лечусь я. Жру одни лекарства. Поэтому и голодаю.

– А зачем тебе Мэй? – поинтересовались Фил с Боуи у Джона.

– Да говорили, что он в «Шинке», – пожал плечами Джон. – А мне выпить не с кем. А Мэй...

– А Мэй только вчера просох, – сухо сказал Боуи.

– А хрум тамид жочах, – невнятно сказал Джон, поедая БигФилбургер («две лосиных котлеты-гриль, специальный синий сыр, муравьи, салат-латук, все на булочке с кинзой – не стошнило? Все это – БигФил!»).

– Это хорошо, – кивнул Боуи, – а точнее?

– Сам черт ему не брат, – прожевал Джон, и тут заметил жадный взгляд Коллинза. – Ой, извини, больше нет...

– У меня есть, – сжалился Элтон Джон, вынул из сачка и протянул бармену котлету, внешний вид которой показался Коллинзу до боли знакомым.

– Твоя, – поддакнул Элтон. – Вот уж не думал...

– Он вообще редко думает, – встрял Джон. – Только по вторникам, после обеда.

– Что ты способен на такие фигли-мигли, – закончил Элтон.

– На такие хрюки-шуки, – поддержал Боуи.

– На такие зиги-заги, – встрял Джон.

– На такие экивоки, – влез баран.

Все с неодобрением, а кое-кто даже со злобой посмотрели на него.

– Чего надо? – свирепо спросил Коллинз. – Уйди, животное!

– Опять ешь котлеты? – хрипло поинтересовался барашек. – Из моего мяса-то ты ведь котлетки жрешь, каннибал!

– Они лосиные! – фальшивым голосом возопил Коллинз.

– А лоси, можно подумать, не люди?! – пресек баран. – Всех маралов в зоопарке переел, Злобный Убийца с Чаном! Потом за медведя примешься, а там и до Ринго недалеко? Съешь ему ручки – гам! Съешь ему ножки – гам!

– Всегда на страже! – это вошел Ринго. – Штрафы со всех вместе, или с каждого по отдельности?

– Ринсмен, это не по-конституционному, – выступил вперед Боуи.

– Я и суд присяжных, я и адвокат, – прервал гнусные инсинуации Старр. – Штраф!

– Нас же больше, – скучающим голосом сказал Джон, и все, очень неожиданно для Ринго, и в особенности для барана, набросились на них и скрутили. Не сразу, но шум битвы долетел даже до мило храпящей прабабушки Боуи, глухонемой с тринадцати лет. Она пробудилась, расправила помятые со сна уши и, видно, кое-что все-таки услышала, потому что открыла рот и сказала первую за сто лет фразу:

– «Шинок» – приют для всех убогих, подруг он дней моих сурових, – после чего хлопнулась на подушку и вновь погрузилась в сладкий сон.

Ринго и баран были закачены под стойку, и баран был неприятно поражен и даже напуган, когда увидел, что Фил тут же впился зубами в огромный сочный мыш-кебаб (еще одно шиночье фирменное блюдо).

А Ринго даже сквозь старый нашейный платок, запиханный ему в говорилку, продолжал бубнить размеры и показатели штрафов. Только спустя три дня, когда Ринго торжественно, при большом скоплении народа, пообещал не требовать штрафов с проштрафившихся, а баран поклялся больше не устремлять на Фила коробящих честь и достоинство последних взглядов, их отпустили и вдоволь накачали детским шампанским. И теперь, если баран еще и пытался укоризненно взглянуть на Коллинза во время поедания последним сосиски или бифштекса, сам Коллинз устремлял на барана свой новый фирменный взгляд «Барашек в бумажке», так что баран немедленно линял и становился фиолетовым. В крапинку. И – что особенно важно – его не надо было для этого даже стукать! Во как!

/ – стих №3 – / Зловещий доктор, или Плавали – знаем! /

Однажды доктор Фу Манчу
Купался ночью в Темзе,
И пятку желтую свою
Он тер усердно пемзой.

Как вдруг узрел
По берегу гуляющего Мэя,
И док решил перепугать
Носатого репея.

Китайский доктор вдруг потер
Брусочком пемзы палец —
И Мэй от звука страшного
Полиловел, как заис.*

Он побежал в свой Кенсингтон
И стал там всех стращать,
Пока его не начали
Кровяной угощать.

Наш Брай вцепился в колбасу
И обо всем забыл,
Как только в славный бутерброд
Клыки свои вонзил.**

А Фу Манчу доскреб пяту
И в свой Китай уплыл,
Ругая непугающихся кенсов
Что есть сил...

** (Заис – кенсингтонский подвид зайцуса стингозоопаркуса вульгариса. Отличается лиловым окрасом (это в честь него сложена известная баллада «Про заика», начинающаяся строками «О, Заис! Ты такой сиреневый, Как лед, И уши черные, Как черное стекло...»), тягой к спиртному и, как следствие, пониженной плодovitостью. – прим. авт.)*

*** (Его тоже можно назвать «рьяным вегетарьянцем». А можно и не называть. – прим. авт.)*

/ – сказка №1 – / Страшная Шапочка, или Белый Кролк /

Однажды Фредди оставили сидеть с Джоновыми детьми. Не задаром, конечно. За еду, питье, ночлег и пару новых хитов. А сами Диконы пошли в кино. И вот когда Фредди съел и выпил все, что ему оставили, и отрепетировал новые песни, он переловил детей, которые разбежались от его пения и попрятались кто куда, уложил их в кровати и стал рассказывать им сказку. Но так как единственную сказку он слышал в далеком детстве, рассказывал он ее по-своему:

– Жила-была однажды маленькая – вот такусенькая – девочка. Однажды она пошла в лес и потерялась. Ау, ау, где вы, сволочи? – никого нету. Ходила, ходила она – глядь, дом стоит из шоколада. Нет, кажется, из пряников... Или из пельменей? Плевать. Пусть будет из сосисок. Девочка обрадовалась, съела все сосиски, пряниками закусила. Стала толстая-претолстая, как ваша ма... хм-м, как тетя Валя. Неважно. Папа знает. Так вот. А ну, не крутиться! Не то по сусалам. Вот, так-то лучше. Свалилась она и захрапела. Нет, сильнее, чем папа. Вот так – ХРА-А-А! Лежать! Глаза закрыть. Смирно!

Чав. Чав. Шсму-у-у... *(звуки, как будто кто-то торопливо ест что-то очень сочное)* Сказка? Какая еще вам ска... Ах, да. Так вот. Мимо шел волк. Увидел он толстуху и захотел съесть. А потом вспомнил, что он рьяный вегетарьянец! Что? Да, как дядя Брай. Нет, печень у волка не болела. Нет, он мясо не ел из принципа. Да, как дядя Пол. Заплакал тогда волк, взмахнул он просторными волосатыми ушами и полетел, полетел...

Да, я знаю. Нет, этот умел. А я говорю – не спорь со старшими! Вот черти пошли! Да никуда никто не пошел, что вы орете? Это я вас чертями назвал. Ладно, у него были крылья, он их у дяди Маиса одолжил. Что противный дядька Боуи делал в лесу? Нет, он не упал с Марса – на этот раз, во всяком случае. Нет, он не хотел тоже девочку есть. Он грибы собирал, ягоды там, арбузу-кукурузу всякую. Так вот, полетел волк, а мимо шел охотник, и он вскинул свое большое и кривое ружье...

Не плачь. А я говорю – не плачь. Я куплю тебе большой, с маком такой калач. Что-о-о?! Что значит «от тебя только фиги с маком дожدهшься?» Всем молчать! Немного осталось. Дорасскажу сказку и пойду себе спать. Вот... И убил волка. А волк-то, фьюить – и упал сверху на охотника! И раздавил его всмятку. Ну, хорошо, и в мешочек тоже раздавил. А мимо шел волшебник... Откуда я знаю? По делам. Он увидел охотника и волка и оживил их. Почему я знаю, зачем. Дурак был. Надо было из волка чучело набить и Габриелу продать, а охотника оставить – поускай валяется. Что с него взять? Гильзы? Хню...

Короче, оживил на свою голову. Волк тут же его съел и опять, туды его в качель, издох!!! Отравился к песьей маме. А охотник захотел на девочке жениться. Она уже выросла. Да. А пока она росла, он состарился и умер. Тут девочка заплакала и пошла домой. А дома-то – хе-хе! – уже не было! А потому, что она из дому ушла пятьдесят лет назад! Ничего не было. Ни дома, ни деревни, ни коровника даже со свинячьим загонем – все лесом заросло. Ну, что делать? Стала она жить в лесу. Спала в дупле, дралась с белками, питалась шишками, жуками и всякой дребеденью. А ты кашу за обедом не жрешь! Чем закончилось? А я почему знаю, чем закончилось? И жила она долго и счастливо... Нет, это не то, какое тут счастье, с жуками-то? А, вот! Жила, жила, и – хлоп! Умерла. Хха!!! Хотя смешного-то мало, на самом деле... Короче – спокойной ночи, малыши! А самый главный малыш в нашей семье – это я – сейчас пойдет и выпьет на ночь микстурки. Полторашку, а лучше – две!

/ – картинка №7 – / Злой и гадкий, или Мартин Гор /

Однажды Фредди пошел в гости к Полу Маккартни. Пол сначала долго не хотел его пускать в дом, но потом, когда Фредди пригрозил привести Боуи – да не одного, а с прабабушкой – Пол его все-таки пригласил на чашку чая. Однако пили они не чай, а настойку из традесканции, как хвастался Пол, «собственной возгонки, перегонки и сгущения». Так они угощались и не замечали четырех страшных глаз, которые, нехорошо блестя, наблюдали за ними с улицы через окно. Нет, это были не обделенные Боуи с прабабушкой, а... Но об этом позже.

А позже Пол пошел провожать гостя. Он довел Фредди до дома, они простились, облобызались, и...

Фредди пошел провожать Пола, а то вон Кокер ходит, еще обидит, не дай Бог! Доведя Пола до пристани, Фредди пожал ему руку, и...

Пол пошел провожать Фреда, а то ненароком упадешь, а я отвечай?

Так они ходили до середины ночи, пока у Маккартни не отказали ноги, и он с тяжким скрипом, как подпиленный дуб, не свалился в канаву.

Фредди облегченно вздохнул, развернулся, прошел пару десятков метров, и тут на него, ослабленного приемом вовнутрь неограниченного количества традесканки, напал Мартин Гор. Злой. Гадкий. Ему этим утром не позволили протрубить подъем в его новенький сверкающий пионерский горн, и он теперь в бешенстве метался по городу в поисках, кому бы. Обшарив нетрезвого Фредди, он выудил у него из потайных карманов пару фляжек традесканки, книжку «Катера и дрожки», часть шестую – «Умри, но замеси!», а вдобавок – к глубокому оскорблению Фреда – диск Джона Леннона «Представь себе» с автографом Коли Васина, который подарил Фредди Пол Маккартни. Напоследок Мартин Гор сделал и такую неприятную вещь – куснул Фредди за ухо и побежал вприпрыжку. Фредди, на своих негнущихся и спотыкающихся ножках поковылял за ним.

– Поймаю! – ревел он страшным металлическим тенором. – Ты, Имхотеп! Верни дискету, я все прощу! А то – не прощу! Знаешь, как я страшен?

– Неужто? – искренне изумился Гор, приостанавливаясь. – А кого вчера били в «Шинке»?

– Так я тогда не гневлив был, – смутился Фредди. – И не зол.

– Верно, – кивнул Гор. – Зол был Коллинз, у которого ты высосал поллитра цикория на коньяке, а потом с идиотским хихиканьем вывернул пустые карманы.

– Брехлив, как пес! – оцетинился Фредди. – Я задарма не пью.

– А Коллинз не наливает, – серьезно кивнул Мартин. – А вчера вот налил. На свою плешивую голову.

– Ну, так он, наверно, всю лысину ошпарил, – скребуче засмеялся Фредди. – Стоп. Отставить смех. Отдай мою пластинку!

– Взя-али! – вдруг раздался рев марала, которым оказался, как вы уже догадались, старьевщик Дэвид Гэкен. – Йэпс!

С этими словами они с Гором подхватили хмельного Фредди под руки и потащили куда-то. Фредди сучил ногами и не особо сопротивлялся.

А хулиганы притащили его к кабачку, недавно открытому в честь победы при Ватерлоо. Правда, сам знатный ресторатор – Элтон Джон – считал немного по-другому, утверждая, что его заведение было открыто в честь хорошего урожая кабачков, которые он, Элтон, собрал, и на деньги, вырученные от продажи которых и был открыт этот ресторан, в принципе, и названный-то в честь именно этого события «Кабачком». Но посетителям было наплевать, в чью там честь был назван кабачок, главное – что он был открыт.

Так вот, негодяи, притащив Фредди к кабачку, раскачали его и, с воплем: «Йэпс!» за руки-за ноги вбросили его в витрину. Так что Фредди, пробив навывлет два стекла, вре-

зался прямо в живот официанту, который чинно и вальяжно проходил как раз мимо окна. Вместе с работником подноса Фредди пролетел через весь зал, два лестничных пролета и... врезался в дубовую дверь. Это открытие так пошатнуло его внутренний мир, что Фредди встал, волооча за собой официанта, потом швырнул его в аквариум, а сам направился к бару – выпить с устатку. Каково же было его изумление, когда он обнаружил у стойки Гора и Гэхена!

– Салют, мессир! – вскричала неугомонная парочка, и Дэвид замахал пластинкой.

У Фредди при виде его собственности всплеснулось, о чем он и объявил немедленно.

– Неужели? – подмигнул Гор.

– В самом деле! – отозвался Гэхен.

Они вновь схватили бормочущего что-то про качели-карусели Фредди под микитки и поволокли куда-то. Притащив его к закрытому в честь позднего времени «Шинку», они раскочакали дорогое тело и, все с тем же гнусным криком: «Йэпс!», швырнули его в окно. Тут же завывла сигнализация (в лице барана, спавшего обычно под стойкой), и на шум выскочил Фил в засаленном ночном колпаке.

– Удалить! – вопил он, – Разорили! Пенальти! Дрын достану щас! Вот я вас палкой! Дисквалифицирую! – вывернул язык он. – Вы недостойны носить мою майку!

А надо вам сказать, что Коллинз расщедрился и в честь юбилея «Шинка» выпустил в свет майки с изображением рогов (барана) и копыт (собственных) и роскошной подписью «Шенок». Теперь все завсегда и сего почтенного заведения носили эти майки, а сам Коллинз – даже две. Или три – это зависело от настроения и погоды. Сейчас же на Филе было, по крайней мере, пять маечек. И вот что было дальше:

– Витрина! Моя витрина! Арррр! – и Коллинз, завыв от ярости, разорвал пополам верхнюю майку. Всех начало трясти. Даже Кокер, появившийся было из-за угла, с поклоном ретировался. Гор и Гэхен быстро-быстро, боком-боком, как два краба, также удалились. Фредди тоже было начал смазывать пятки, но тут на него налетел разъяренный Фил, вцепился ему в глотку и стал жать масло. Фредди беспомощно хрипел и лягался.

Тут на втором этаже показалась сонная физиономия миссис Коллинз. С надсадным «Мм-у-хх» она подняла над головой злосчастный чан и вылила на спорщиков все содержимое. Фредди хохотал и прыгал в дожде любимого напитка, а вот с Филом определенно творилось что-то непонятное. Он сморщился. Он посинел. Он стал похож на маленького осьминога. Все подумали, что Фил сейчас примется честить благоверную, на чем свет стоит. Но все повернулось отнюдь не лицевой стороной. Фил неожиданно опустился на колени, и —

– Бё!!! Бё-ООО! – дикий клич оповестил район о неблагонадежном состоянии желудка шинкаря. Фредди отвернулся, баран в ужасе залез под стойку, а мадам Коллинз, взвизгнув, выбежала на улицу и быстро увела бледного, как череп Боба Марли, мужа домой. Фредди же, трижды повернувшись на каблуках – от глаза и порчи – тоже ушел домой. Так и не узнав причину неопикуемого поведения Фила. Этот секрет мы с вами узнаем позже. А пока – о ворюгах.

Мартин Гор и Дэвид Гэхен перепродали диск обратно Полу Маккартни. Фредди, который не знал об этом акте милосердия, подстерег их поодиночке и так извалял в грязи и отбросах, что Гэхен стал колотиться черти чем, а потом, дабы избавиться от навязчивой галлюцинации в виде осла в кальсонах и панаме, являющейся к нему по утрам с приветственным криком, наколол себе на плече татуировку, изображающий процесс грязнения. А чтоб уж заодно – на другом плече наколол осла. А Гор... Нет, Гор – это вообще кадр. Он – знаете, что он сделал? Не знаете? Ну, так нечего вам и знать. А зря. Такое, надо вам сказать... Гррмм. А Маккартни опять подарил пластинку Фредди. А Фредди на следующий день вылавил из нее отменное кашпо!

P.S. Утренний осел Гэхена так и не покинул.

P.S.S. А если Дэвид пытался от него сбежать – осел искал его, плакал, расспрашивал прохожих, до тех пор, пока не находил, а уж тогда, с приветственным криком...

/ – стих №4 – / Ринго, или Буонапарте мне спинку, пожалуйста! /

Однажды Ринго Старр решил,
Что он – Наполеон.
Надел на голову треух
И стал гордиться он.

– Эй, вы! – кричал он кенсингтонцам.
– Ну-ка, поглядите!
Но отвечали все ему,
Что он – свинья в корыте.

Наш Старр обиделся, и вот —
Глядите-ка! – вприпрыжку
Бежит он, длинноносенький,
Похожий на мартышку!

Его ловили всем районом,
А когда поймали —
Две пачки галоперидола
С квасом ему дали.

Он проглотил, упал без сил
И в тот же миг уснул,
Проснувшись же, совсем забыл,
Про что тогда загнул!

Он взял свой жезл, и взял свисток,
Высоких полон дум,
И всех, кто рядом был, замел —
Сам черт ему не кум!

Ну а потом надел треух
И, новых полон сил,
– Ну, как насчет Наполеона? —
Вот как всех спросил!

Ну, все ему, конечно, хором:
– Ты – Наполеон!
– Вы врете, – хмуро Старр сказал.
– Наполеон – вот он!

И барским жестом указал
На Дикона-водилу,
Который за рулем сидел,
И глазом поводил он.

– Нет, я не Бонапарт! – тотчас
Наш Джоныч возмутился.
А Кенсингтон-район тогда
На землю опустился

И начал отбивать ему
Сто раз свои «салям»,
А Ринго меж рядов ходил,
Бил жезлом по рукам.

И щупальца у всех распухли,
Как гусячьи лапы.
И кенсингтонцы стали вдруг
Чернее, чем мулаты!

А почему? А потому, что
«ДЕДКО» выхлоп дал,
И от прибавки смога Лондон
Дуба чуть не дал*!

*(*А потом еще удивляются – чего это во всегдашней теплой и сырой Англии вдруг снежные бури и заносы! Все из-за недостатка экологии и хулиганской выходки некоего г-на Дикона.*

P.P.S. «ДЕДКО» – это кенсингтонский омнибус номер двадцать девять, о нем и его шофере Диконе вы прочтете чуть позже.

P.P.P.S. Рифма «дал – не дал», конечно, несколько остра, но ее не мы придумали, честное суперфильдское! – прим. авт.)

/ – легенда №1 – / Альпинист, или Трубочист /

Однажды в Кенсингтоне появился необычный трубочист. Был он странен – весь в белом, весь в черной шапочке и с ледорубом за спиной. Опознать загадочного человека не мог никто. Сотни раз его подстерегали с сетью и фонариками, но трубочист растворялся в воздухе или с таинственным шипением сдувался в маленькую гусеницу, которая чрезвычайно быстро уползала.

Самым рьяным охотником оказался Ангус Янг. Он был глубоко убежден, что паскудный Альпинист ворует у него прокладки для гусаков и переходники для шлангов. Янг строил такие ловушки и засады, так мастерски маскировался в тенях труб и антенн, что все просто диву давались – вот стоит Ангус, и вдруг раз! – на его месте уже одиноко возвышается длинная, поперечно-полосатая дециметровая антенна. Даже Боуи не выдержал и написал про него песню «Палас Афина», объясняя очевидную неграмотность полным отсутствием у себя блох. Непонятно, но доводы Боуи убедили не всех, а сомневающиеся переводили песенку, как «Отель «Афина». Глупо, но речь сейчас идет об альпинисте-трубочисте, так что попросим г-на Боуи обратиться со своими Антеннами и Афинами.

Единственным, кого смог залучить* Ангус в свои сети и силки, был дворовый кот по кличке Бармалей, случайно залезший на подопытную крышу в поисках чего-нибудь вкусенького.

*(*В прямом смысле – приманкой служил крымский синий лук. Непонятно одно – какого инициала он понадобился коту?! – прим. авт.)*

Бармалей был отправлен на экспертизу, коя вынесла следующий вердикт – «невиновен», кота отпустили, а Ангус с удвоенной энергией принялся бдеть.

Тем временем Альпинист был и активно действовал. Имели место таинственные уханья и гуканья в печной трубе Мэри Остин, а также звук прочищаемого дымохода у Стинга. Кто-то сорвал антенну в кенслесмолкомхозе, а затем – по-видимому, он же – залез в «Шинок» через каминную трубу и основательно попортил ЧАН, изгадив его непристойными словами и картинками со скабрзными подписями.

Даже Фредди забеспокоился – к нему среди ночи ворвался какой-то субъект с ледорубом и в неприличных выражениях попросил «набздынькать на посох». Фредди набздынькал ему гипсовым слепком своей левой ноги, доселе лежавшим у него на ночном столике. Ночной пришлец с проклятьями и воем, а равно с похищенной бутылкой «Кеглевича» выскочил в окно, а Фредди с ногой в обнимку лег досыпать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.